

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.611-633>

EDN: <https://elibrary.ru/trcbqg>

УДК / UDC 39(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Оценка устойчивости границ России на основе этнических, исторических и природных особенностей

А. А. Соколов

О. С. Руднева ✉

*Институт степи Уральского отделения Российской академии наук – обособленное структурное подразделение Оренбургского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, <https://ror.org/0261qw820> (г. Оренбург, Российская Федерация)
✉ Ksen1909@mail.ru*

Аннотация

Введение. Устойчивость границы – главный фактор национальной безопасности и регионального развития. Распад СССР и формирование новых государственных границ Российской Федерации актуализировали проблему оценки устойчивости последних. Цель исследования – комплексная оценка с сегментацией сухопутной границы России по степени ее устойчивости на основе анализа исторических, природных и этнических детерминант.

Материалы и методы. Методология опирается на классический морфологический подход, адаптированный для комплексной оценки сухопутной границы России. Эмпирическую базу составили историко-картографические материалы, данные физико-географического районирования, а также статистика национальных переписей населения России и сопредельных государств. Устойчивость границы определена путем совокупной оценки трех базовых субстратов: исторической зрелости (длительности существования в неизменных рубежах), природной барьерности (совпадения с выраженными физико-географическими объектами) и этнокультурной контрастности (распределения титульных этносов в приграничье).

Результаты исследования. На основе разработанной бинарной матрицы критериев осуществлена типологическая сегментация границы с выделением четырех уровней устойчивости. К наиболее устойчивым отнесены границы с Китайской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой и Норвегией, совпадающие по всем трем критериям. Границы со средней устойчивостью (с Монголией, Финляндией, Литвой) характеризуются парной комбинацией детерминант. Наименее устойчивые участки (на Кавказе, с Украиной, Беларусью) обладают лишь одним признаком. Неустойчивыми признаны преимущественно геометрические границы с Казахстаном, сформированные в XX в. без учета природных и этнических рубежей.

© Соколов А. А., Руднева О. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Результаты демонстрируют высокую пространственную дифференциацию устойчивости границ России. Для каждого типа сегментов предложены дифференцированные подходы к обеспечению безопасности и управлению – от развития инфраструктуры на устойчивых участках до усиления контроля и мониторинга на неустойчивых. Полученные выводы могут быть использованы для разработки сегментированной государственной пограничной политики.

Ключевые слова: государственная граница, типология границ, стабильность границ, приграничные регионы, историческое развитие, природные барьеры, этнические районы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено по теме государственного задания Института степи Оренбургского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук № 126013016160-7 «Геоэкологические основы и технологические аспекты оптимизации природопользования в степных регионах России и сопредельных территориях».

Для цитирования: Соколов А.А., Руднева О.С. Оценка устойчивости границ России на основе этнических, исторических и природных особенностей. *Регионоведение*. 2026;34(3):611–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.611-633>

Assessment of the Stability of Russia's Borders Based on Ethnic, Historical, and Natural Factors

A. A. Sokolov, O. S. Rudneva ✉

*Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences –
a separate structural subdivision of the Orenburg Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, <https://ror.org/0261qw820>
(Orenburg, Russian Federation)*

✉ Ksen1909@mail.ru

Abstract

Introduction. Border sustainability is the main factor of national security and regional development. The dissolution of the USSR and the formation of new state borders of the Russian Federation have brought to the fore the problem of assessing the sustainability of these borders. The aim of this study is to provide a comprehensive assessment, with segmentation of Russia's land border by degree of sustainability, based on an analysis of historical, natural, and ethnic determinants.

Materials and Methods. The methodology is based on the classical morphological approach, adapted for a comprehensive assessment of Russia's land border. The empirical basis consisted of historical and cartographic materials, data from physical-geographical regionalization, and statistics from national censuses of Russia and neighboring states. Border sustainability is determined through a cumulative assessment of three basic substrates: historical maturity (duration of existence along unchanged borders), natural barrier potential (alignment with pronounced physical-geographical objects), and ethno-cultural contrast (distribution of titular ethnic groups in the border areas).

Results. Based on the developed binary matrix of criteria, a typological segmentation of the border was carried out, identifying four levels of sustainability. The most sustainable borders are those with the People's Republic of China, the Democratic People's Republic of Korea, and Norway, which align with all three criteria. Borders with medium sustainability (with Mongolia, Finland, and Lithuania) are characterized by a paired combination of determinants. The least sustainable segments (in the Caucasus, with Ukraine and Belarus) meet only one of the criteria. Unsustainable borders are primarily the geometric borders with Kazakhstan, formed in the 20th century without regard to natural and ethnic boundaries.

Conclusion. The results demonstrate a high degree of spatial differentiation in the sustainability of Russia's borders. Differentiated approaches to security and management are proposed for each type of segment – from infrastructure development on sustainable segments to enhanced control and monitoring on unsustainable ones. The findings can be used for the development of a segmented state border policy.

Keywords: state border, border typology, border stability, border regions, historical development, natural barriers, ethnic areas

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was carried out on the topic of the state assignment of the Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences of the Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences No. GR 126013016160-7 “Geoeological Foundations and Technological Aspects of Optimizing Nature Management in the Steppe Regions of Russia and Adjacent Territories”.

For citation: Sokolov A.A., Rudneva O.S. Assessment of the Stability of Russia's Borders Based on Ethnic, Historical, and Natural Factors. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):611–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.611-633>

ВВЕДЕНИЕ

Для общественных наук справедливо утверждение Н. Д. Спайкмана: «понимание географии страны – это знание ее внешней политики, которая проецируется на ее границы»¹. Однако географический параметр выступает скорее в роли обусловливающего контекста, а не жесткой детерминанты, поскольку характеристики пространства (площадь, физико-географическое положение, морфология рельефа и пр.) имеют значение при формировании государственных рубежей, но не являются исключительно причинным фактором. Строгих и универсальных правил проведения границ не существует².

Полноценный анализ пограничного пространства требует его рассмотрения в совокупности географических (информации о размещении объектов и фиксации текущего состояния), а также исторических аспектов (ретроспективной оценки)³. В связи с этим исследование государственной границы и приграничья представляет собой одну из базовых проблем социально-экономической географии. Доминирующим вектором анализа выступает синтез исторического и национально-демографического подходов к формированию рубежей и оценке природных характеристик разделяемых территорий. Несмотря на усиление процессов экономического развития, особенно третичного сектора, и углубление международного разделения труда, физико-географические барьеры по-прежнему остаются основой конфигурации границ сопредельных государств⁴.

В таком контексте научный интерес представляет сухопутная граница Российской Федерации. В настоящее время российская государственная граница – один из наиболее протяженных сухопутных периметров в мире (22,1 тыс. км). Значительная его часть (7,6 тыс. км) проходит по гидрографическим объектам (рекам Амур, Аргунь, Уссури, Урал, Неман; озерам Ханка, Чудскому и др.), около 3 тыс. км – по орографическим линиям (горным системам Кавказа, Алтай, Саян). Остальные участки классифицируются как геометрические, т. е. проведенные без учета специфики ландшафтов.

Устойчивость государственных границ является фундаментальной проблемой национальной безопасности и территориального суверенитета. В условиях совре-

¹ Spykman N.J. Geography and Foreign Policy, II. *The American Political Science Review*. 1938;32(2):213–224. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/1948667> (accessed 10.02.2025).

² Делимитация и демаркация государственных границ в регионе ОБСЕ [Электронный ресурс]. Organization for Security and Co-operation in Europe : website. URL: <https://www.osce.org/ru/node/363466> (accessed 27.08.2025).

³ Spykman N.J. Geography and Foreign Policy, I. *Ibid*. 1938;32(1):28–39. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/1949029> (accessed 10.02.2025).

⁴ Евстафьев Д.Г. Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2024;1(104):8–17. [http://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104\(S\)-2024-8-17](http://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17)

менной геополитической турбулентности значимость приобретает не только охрана рубежей, но и их способность сохранять конфигурацию при внешних и внутренних вызовах. Однако строгих и универсальных критериев оценки такой устойчивости не существует, а пограничная политика России нередко унифицирована и не предусматривает глубокой пространственной дифференциации ее сухопутного периметра.

Учитывая многообразие стран-соседей, каждый пограничный участок и сопряженная с ним территория отличаются уникальной комбинацией характеристик: природно-климатическими условиями, периодом существования, длиной, демографическим состоянием, этнокультурным составом населения. Сочетание данных факторов определяет уровень устойчивости и безопасности границы.

Проявлением действия этих факторов является то, что многие постсоветские границы, в частности геометрические, были проведены без учета сложившихся хозяйственных связей и ареалов расселения этносов, что привело к разделению единых этнокультурных пространств, возникновению социального напряжения, периферизации и в целом – к уязвимости приграничных территорий, а также проживающих на них сообществ перед лицом геополитических, демографических и этнокультурных вызовов. При этом научно обоснованный, дифференцированный подход к управлению приграничными территориями со стороны государства отсутствует. Унификация пограничной политики игнорирует локальную специфику, что снижает эффективность мер по обеспечению национальной безопасности и темпы социально-экономического развития приграничных сообществ.

Цель исследования – сегментация и типологизация сухопутной границы России на основе оценки ее политико-институциональной устойчивости с учетом исторических, природных и этнокультурных детерминант.

В исследовании проверяется гипотеза о неравномерной устойчивости сухопутных границ России, обусловленной совокупным влиянием трех структурных детерминант – исторической зрелости, природной барьерности и этнокультурной контрастности. Предполагается прямая зависимость морфологической прочности и способности к самосохранению пограничного сегмента от количества совпадающих субстратов в его конфигурации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Изучение границ оформилось в самостоятельное научное направление на рубеже XX–XXI веков. В центре внимания ученых оказались как регламентированные линии разграничения, так и разнообразные социальные барьеры; масштаб исследований расширился от макрорегионального уровня до локальных муниципальных пределов. Акцент сместился на невидимые, но значимые границы, обусловленные культурными, этническими, конфессиональными и социальными факторами. Именно они фрагментируют единое политическое пространство, трансформируют территориальную идентичность населения и прямо влияют на механизмы общественного управления. Подобная трансформация научной парадигмы закономерно отразилась в академической среде⁵.

⁵ Введение в исследования границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука; 2016. 426 с.

Еще в середине XX века в российской науке⁶ этнические границы картировались как статичные ареалы, но в XXI веке преобладает конструктивистский подход. Опираясь на идеи норвежского антрополога Ф. Барта⁷, современные исследователи рассматривают границу не как линию, где культура заканчивается, а как комплекс социокультурных маркеров, организующих взаимодействие соприкасающихся социумов [1]. В рамках антропологии движения А. В. Головнева⁸ граница осмысливается в качестве протяженного во времени процесса транскультурации, а понятие «фронтир» описывает пограничье в виде зоны гибкого взаимодействия, а не жесткого разделения.

В динамике межрегиональных рубежей внутри государства изменения часто обусловлены не только формально-правовыми процедурами, но и неформальными практиками, географическими аспектами (например, транспортной анклавностью) и влиянием федерального центра. Граница служит не статичной линией разделения⁹, а гибким инструментом территориального управления и фактором, определяющим развитие пространственных процессов как на международном, так и на внутригосударственном уровнях [2].

Важным направлением современных исследований является критический анализ концепции «мира без границ». Прогноз о постепенном стирании национальных рубежей под воздействием глобализации столкнулся с реальностью миграционных кризисов и геополитической конфронтации, что привело к усилению функций безопасности и повсеместному возведению физических барьеров. Однако в условиях цифровизации граница трансформируется из исключительно территориального маркера в многомерный институт, охватывающий виртуальные, экономические и идентификационные барьеры [3].

Фундаментальное значение приобрела концепция социальных практик пограничного размежевания. Государственные рубежи воспринимаются не просто линиями разграничения, а «фабриками идентичностей», активно формирующими представления о принадлежности к определенным сообществам. Анализируется становление понятия «фантомных границ» как исторически сложившихся рубежей, которые, утратив формальный государственный статус, продолжают определять современные экономические градиенты и культурно-ментальные различия [4].

Продолжается исследование эволюции барьерных и контактных функций границ. Так, пандемия коронавирусной инфекции, став масштабным катализатором, наглядно продемонстрировала способность государств в условиях глобальных вызовов оперативно трансформировать проницаемые рубежи в жесткие барьеры биобезопасности. Другими словами, несмотря на глобализацию и повсеместную открытость, граница как институт по-прежнему устойчиво фрагментирует политические и социально-экономические пространства, разделяя на «своих» и «чужих» [5; 6].

⁶ Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 15. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во Акад. наук СССР; 1951. 280 с. ; Брук С.И. Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы. *Советская этнография*. 1973;(3):3–18. URL: https://www.booksite.ru/etnogr/1973/1973_3.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Barth F. Preface. In: *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen Oslo Universitets Forlaget. London: George Allen and Unwin; 1969. P. 9–58.

⁸ Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: «Волот»; 2009. 496 с.

⁹ Цветкова О.В. Теоретико-методологические основы исследований государственных границ. *Регионоведение*. 2014;(2):40–47. <https://elibrary.ru/shbiir>

Влияние границ на социально-экономическое развитие приграничных территорий изучается на мезо- и макроуровнях. В фокусе – феномен пространственной асимметрии: российские города-миллионники могут стагнировать на границе, в то время как соседние китайские центры (например, Хэйхэ) демонстрируют взрывной рост, используя ресурсную базу и туристический поток. Внимание привлекают трансграничные природные объекты, такие как речные бассейны (Амур, Селенга, Иртыш), которые выступают не только естественными рубежами, но и зонами потенциальных экологических конфликтов, вынужденного институционального сотрудничества [7].

Вызов современной лимологии и географии – интеграция базовой типологии по природным и историческим признакам, а также современных этнокультурных границ с их размытостью и мозаичностью.

Однако при многообразии существующих исследований комплексная сегментация всего периметра сухопутной границы России не проведена. В основном работы имеют локальный (изучение отдельных участков, например с Казахстаном или Китаем) либо функциональный характер (фокусируются на узких аспектах, в частности транспортных, водных ресурсах). Отсутствует системное картографическое и морфологическое зонирование всей границы на основе сочетания нескольких факторов (субстратов). Большинство исследований ограничивается качественным описанием этноконтактных зон, не предлагая пороговых значений для оценки совпадения этнического и государственного рубежей. Обнаруженные пробелы свидетельствуют о необходимости углубленного исследования сухопутной границы.

В отличие от традиционных географических работ, фокусирующихся на морфологии границ, настоящее исследование рассматривает устойчивость рубежей как институциональную характеристику, определяющую эффективность пограничной политики и уровень геополитических рисков. Предлагаемая типология призвана стать научной основой для сегментированного управления приграничными территориями, учитывающего их структурную уязвимость.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступает сухопутная граница Российской Федерации в конфигурации, сложившейся после распада Советского Союза в 1991 г. Единицей анализа являются пространственно-функциональные участки границы, выделенные по принципу смены сочетания исторических, природных и этнических факторов. Протяженность сегментов переменна и определяется точками бифуркации (изменением речного русла, переходом через горный хребет, сменой административно-территориальной единицы). Геометрические участки границы определялись как отрезки, проведенные по заданным координатам без учета природных и этнокультурных факторов (на основе демаркационных документов¹⁰ и ГИС-анализа).

Дизайн исследования. Методологическую базу работы формирует классификационный подход к анализу государственных рубежей, восходящий к работам Дж. Керзона¹¹ и адаптированный для комплексной оценки сухопутного периметра Российской Федерации. Граница рассматривается как многослойный

¹⁰ Делимитация и демаркация государственных границ в регионе ОБСЕ...

¹¹ Curzon G.N. *Frontiers: Delivered in the Sheldonian Theatre*. Oxford: At the Clarendon Press; 1907. 58 p.

пространственный объект, устойчивость которого определяется наложением базовых субстратов в соответствии с выделенной В. А. Колосовым, Н. С. Мироненко и Р. Ф. Туровским структурой¹².

Критерии и операционализация устойчивости. Устойчивость границы операционализирована как способность рубежа сохранять пространственно-временное положение и морфологическую конфигурацию при внешних и внутренних воздействиях¹³. Степень устойчивости зависит от структуры многослойности рассмотренных типов (субстратов) границ. Чем больше таких субстратов совпадает в одном пограничном сегменте, тем выше его прочность и способность к самосохранению¹⁴.

Для количественной оценки использованы три бинарных критерия (каждый принимает значение 1 при наличии признака, 0 – при отсутствии), соответствующих трем базовым типам границ:

1) историческая зрелость. Оценивалось, как долго данный рубеж сохраняет положение без серьезных изменений. Пороговое значение: граница, существующая в неизменных рубежах с конца XIX века (период максимального территориального расширения Российской империи – около 22,4 млн км²) и не подвергавшаяся существенным корректировкам в XX–XXI вв., признавалась исторически зрелой¹⁵; обладающей максимальным запасом исторической прочности¹⁶ [8];

2) природная барьерность. Проверялось, совпадает ли государственная граница с выраженными физико-географическими объектами макроуровня (крупными горными хребтами, реками). Мелкие реки и локальные формы рельефа не учитывались, чтобы избежать избыточной фрагментации¹⁷;

3) этническая контрастность. Для оценки фактора использовался метод привязки данных национальных переписей населения к приграничным

¹² Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс; 2001. 479 с. ; Туровский Р.Ф., Колосов В.А. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 1997;(5):106–113. URL: <https://publications.hse.ru/articles/359620495?ysclid=mtbf7xwkw2671905654> (дата обращения: 02.02.2025).

¹³ Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, Сиб. отд.; 1978. 302 с. <https://www.elibrary.ru/tarvmp>

¹⁴ Колосов В.А. География государственных границ: идеи, достижения, практика. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2008;(5):8–20. <https://www.elibrary.ru/jsjzcv> ; Каганский В.Л. Географические границы: противоречия и парадоксы. В кн.: Географические границы. М.: Изд-во МГУ; 1982. С. 7–19 ; Родман Б.Б. Основные типы географических границ. *Там же*. С. 19–33. <https://www.elibrary.ru/vnwiup> ; Евдокимов С.И. Оценка устойчивости границ псковско-белорусской порубежной территории. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. 2013;(2):116–124. <https://www.elibrary.ru/rdfldz> ; Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ. *Псковский региональный журнал*. 2010;(10):29–48. <https://www.elibrary.ru/nuaogr>

¹⁵ Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII–XX веках. М.: Центр военно-стратег. и военно-технол. исследований Ин-та США и Канады; 1995. 236 с.

¹⁶ Паламарь Н.Г. Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства. *Власть*. 2008;(4):100–103. URL: <https://elck.ru/3VTYv5> (дата обращения: 27.08.2025) ; XIX век. В кн.: Большая Российская энциклопедия. Том Россия. М.; 2004. С. 325–356.

¹⁷ Об утверждении Методики гидрографического районирования территории Российской Федерации: приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 25.04.2007 № 112 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12153715/> (дата обращения: 27.08.2025) ; Лукашов А.А. Горы. В кн.: Большая российская энциклопедия. Т. 7. М.; 2007. С. 499.

административно-территориальным единицам (субъектам РФ, провинциям и областям сопредельных государств). Участок считался этнически контрастным, если доля титульного этноса на российской стороне превышала 80 % [9] или была сопоставима со среднероссийским уровнем (по данным переписи 2021 г.¹⁸). Выбор порога основан на методике Б. М. Эккеля¹⁹ для оценки этнической мозаичности.

На основе суммы баллов (от 0 до 3) все участки отнесены к четырем категориям:

- наиболее устойчивые: 3 балла;
- среднеустойчивые: 2 балла;
- наименее устойчивые: 1 балл;
- неустойчивые (геометрические границы, лишённые всех трех признаков)²⁰:

0 баллов.

Это позволило зафиксировать базовый структурный потенциал устойчивости сухопутных границ России.

Исторический, природный и этнический факторы образуют базовый каркас границы. Они обладают высокой устойчивостью и формируют структурную основу, на которую можно наложить анализ более подвижных процессов (трансграничного сотрудничества, экономической интеграции или изменения политических режимов). Экономические и политические показатели намеренно исключены из базовой модели, поскольку они обладают высокой временной изменчивостью и могут быть как причиной, так и следствием неустойчивости. Их учет предлагается как следующий этап анализа. Благодаря этому удалось избежать методологической ошибки смешения разнородных факторов, когда временный экономический спад в приграничном регионе интерпретируется как свидетельство фундаментальной неустойчивости исторически сложившегося и географически обусловленного рубежа.

Источники данных. Эмпирическую базу составили три группы источников:

а) историко-картографические материалы – тексты международных договоров (Нерчинский 1689 г., Пекинский 1860 г., Парижский 1947 г. и др.) [10], демаркационные протоколы, исторические атласы и карты (Российского государственного исторического архива, фондов пограничных комиссий [11]). Временной охват – от конца XVII века до настоящего времени [12 – 16];

б) физико-географические данные – топографические карты масштаба 1:1 000 000 и 1:500 000, гидрографические базы данных (Государственного водного реестра, цифровых моделей рельефа SRTM). Используются официальные методики гидрографического и орографического районирования РФ;

в) демографические и этностатистические сведения – итоги Всероссийской переписи населения 2021 г., а также результаты национальных переписей сопредельных государств за 2001–2021 гг. (Норвегии, Финляндии, стран Балтии, Беларуси, Украины [17], Грузии, Азербайджана, Китая [18], Казахстана [19],

¹⁸ Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года по России [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 27.08.2025).

¹⁹ Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. *Советская этнография*. 1976;(2):33–39.

²⁰ Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы... ; Ancel J. Géographie des Frontiers. Paris: Gallimard; 1938. 256 p.

Монголии). Для унификации анализа привлекались данные по административно-территориальным единицам первого порядка, непосредственно примыкающим к границе [17–19].

Процедура анализа. Оценка устойчивости проводилась поэтапно с применением метода последовательного картографического наложения и матричного анализа.

Физико-географическое и историческое картографирование: на основе анализа топографических карт, исторических атласов и текстов международных договоров методом экспертно-картографической оценки были выделены участки, обладающие выраженной макробарьерной функцией.

Статистико-демографическое сопряжение: по каждому участку границы сопоставлялись доли титульного этноса в непосредственно примыкающих к нему регионах.

Матричная оценка: все участки границы оценивались по разработанной бинарной матрице критериев.

Таксономическая агрегация: на основе суммарных баллов (от 0 до 3) смежные участки границы, обладавшие одинаковым набором субстратов, объединялись в целостные пространственные зоны. Это позволило сформировать финальную типологию, где граница сегментирована по принципу структурной однородности, а рубежи между участками определены непосредственно наложением географической и этнической детерминант.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая характеристика сухопутных границ Российской Федерации: историческая и пространственная. Россия имеет сухопутные границы с 14 признанными на международном уровне государствами. Эти рубежи формировались в различные исторические эпохи – от XVII (договоры с Цинской империей) до середины XX века (послевоенные соглашения и внутрисоюзное размежевание) – и в принципиально разных геополитических обстоятельствах: в результате имперских завоеваний, мирных договоров, военных конфликтов и административных решений советского периода.

Протяженность сухопутных границ с сопредельными странами варьируется широко: от 17,3 км с Корейской Народно-Демократической Республикой до более 7,5 тыс. км с Казахстаном. Значительная часть линии разграничения проходит по естественным природным рубежам: крупным рекам (Амур, Аргунь, Нарва, Урал, Туманная), озерам (Чудскому, Ханка) и горным хребтам (Кавказа, Алтая, Саян), что во многом определяет как морфологию границы, так и ее историческую устойчивость (таблица).

Как видно из таблицы, наиболее протяженные рубежи России – с Казахстаном (7 512,8 км) и Китаем (4 209,3 км). При этом первый на 80 % проходит по суше и лишен значимых природных барьеров, что делает его уязвимым с точки зрения территориальной стабильности; второй – на более чем 80 % приурочен к рекам (Амур, Уссури, Аргунь), что придает ему выраженную природную детерминированность и объясняет относительную устойчивость (дольше 150 лет).

Т а б л и ц а. История формирования и протяженность участков сухопутной границы России с сопредельными приграничными странами

Table. History of formation and length of segments of Russia's land border with neighboring countries

Участок границы / Border segment	Длина, км / Length, km				Историческая справка / Historical reference
	общая / general	по суше (км) / by land (km)	по рекам (км) / by rivers (km)	по озерам (км) / by lakes (km)	
1	2	3	4	5	6
Российско-казахстанский / Russian-Kazakhstani	7 512,8	5 936,1	1 516,7	60,0	Сложился в 1920–1930-е гг. в ходе национального строительства в СССР. Прокладывался исходя из производственной логики – районы тяготели к центрам переработки сырья / The segment was established in the 1920s–1930s during the nation-building process in the USSR. It was delineated according to production logic, with districts gravitating toward raw material processing centers
Российско-китайский / Russian-Chinese	4 209,3	650,3	3 489,0	70,0	Первоначальная делимитация состоялась в 1689 г. (Нерчинский договор, разграничение по р. Аргунь). Главный этап – Пекинский трактат 1860 г., придавший границе очертания, во многом совпадавшие с нынешними; отдельные спорные сегменты окончательно урегулированы в XXI в. / The initial delimitation took place in 1689 (the Treaty of Nerchinsk, delimitation along the Argun River). The main stage was the Beijing Treaty of 1860, which gave the border contours largely aligning with the present ones; certain disputed segments were finally settled in the 21 st century
Российско-монгольский / Russian-Mongolian	3 485,0	2 878,6	588,3	18,1	На значительном протяжении современный рубеж сохраняет исторически сложившиеся контуры. Начало – договор 1727 г. между Российской империей и Цинской династией (под властью которой тогда находилась монгольская территория). В XX веке Монголия и Тыва обрели независимость от Китая; позже Тыва была включена в состав России, а затем СССР / Over a considerable stretch, the modern border retains its historically established contours. It began with a 1727 treaty between the Russian Empire and the Qing Dynasty (under whose rule the Mongolian territory was at that time). In the 20 th century, Mongolia and Tuva gained independence from China; later, Tuva was incorporated into Russia and subsequently into the USSR

Продолжение таблицы / Continuation of the table

1	2	3	4	5	6
Российско-украинский (в конфигурации 1991 г.) / Russian-Ukrainian (in the 1991 configuration)	1 974,0	1 548,4	422,2	3,4	Сформировался в результате внутри-союзного административного размежевания между РСФСР и УССР, закрепленного в 1927–1928 гг. / This border segment formed as a result of intra-union administrative demarcation between the RSFSR and the Ukrainian SSR, formalised in 1927–1928
Российско-финский / Russian-Finnish	1 271,8	1 091,7	60,3	119,8	Является итогом ранних договоров. Наиболее старые из сохранившихся участков восходят к границе Швеции и Российской империи XVI–XVII вв. Последняя корректировка – после Парижского договора 1947 г. / This border segment is the outcome of early treaties. The oldest surviving segments date back to the border between Sweden and the Russian Empire in the 16 th –17 th centuries. The last adjustment occurred after the Paris Peace Treaty of 1947
Российско-белорусский / Russian-Belarusian	1 239,0	857,7	362,3	19,0	Современные очертания обрел в 1924–1926 гг., когда Могилевская, Витебская и Гомельская области (территории с преимущественно белорусским населением) РСФСР вошли в состав БССР / The modern contours were acquired in 1924–1926, when the Mogilev, Vitebsk, and Gomel regions (territories with predominantly Belarusian population) of the RSFSR became part of the BSSR
Российско-грузинский / Russian-Georgian	875,5	819,6	55,9	–	Отправная точка современных очертаний – договор о взаимном признании 1920 г. В 1944–1958 гг. конфигурация временно менялась. Линия российского пограничья затрагивает также отрезки у Абхазии и Южной Осетии, что выводит вопрос за рамки чисто двусторонних отношений / The starting point for the modern contours was the 1920 mutual recognition treaty. In 1944–1958, the configuration temporarily changed. The Russian border line also affects segments adjacent to Abkhazia and South Ossetia, which takes the issue beyond the framework of purely bilateral relations
Российско-азербайджанский / Russian-Azerbaijani	327,6	272,4	55,2	–	Начал формироваться в 1820-е гг., в рамках борьбы Российской империи и Персии за господство на Кавказе. Окончательно оформился в 1920 г. при образовании Азербайджанской ССР / This border segment began to form in the 1820s, in the context of the struggle between the Russian Empire and Persia for dominance in the Caucasus. It was finalized in 1920 with the establishment of the Azerbaijan SSR

Продолжение таблицы / Continuation of the table

1	2	3	4	5	6
Российско-эстонский / Russian-Estonian	324,8	89,5	87,5	147,8	Современный облик приобрел в 1944 г., когда ряд приграничных территорий, ранее переданных Эстонии по Тартускому договору 1920 г., вошли в состав РСФСР / This border segment acquired its modern shape in 1944, when a number of border territories previously ceded to Estonia under the 1920 Treaty of Tartu were incorporated into the RSFSR
Российско-латвийский / Russian-Latvian	270,5	137,2	127,5	5,8	Юридически оформлен в 1920 г. Рижским договором; в 1944 г. произошла территориальная корректировка в пользу РСФСР. Латвия впоследствии настаивала на восстановлении рубежей, но подписанный и ратифицированный договор о государственной границе оставил существующую линию разграничения неизменной / This border segment was legally formalized in 1920 by the Treaty of Riga; in 1944, a territorial adjustment was made in favor of the RSFSR. Latvia subsequently insisted on restoring the previous borders, but the signed and ratified state border treaty left the existing demarcation line unchanged
Российско-литовский / Russian-Lithuanian	244,8	28,2	207,9	8,7	Установлен в 1945 г.: решением Потсдамской конференции Восточная Пруссия вместе с Калининградом (Кенигсбергом) отошла Советскому Союзу / This border segment was established in 1945, when, by decision of the Potsdam Conference, East Prussia, together with Kaliningrad (Königsberg), was ceded to the Soviet Union
Российско-польский / Russian-Polish	204,1	203,3	0,8	–	Оформился в 1945 г. на основе двустороннего соглашения в рамках территориального раздела Восточной Пруссии между Польшей и СССР / This border segment was established in 1945 on the basis of a bilateral agreement within the territorial partition of East Prussia between Poland and the USSR
Российско-норвежский / Russian-Norwegian	197,7	43,0	154,7	–	Длительный территориальный спор относительно земель Кольского полуострова окончательно разрешился в 1826 г. двусторонним договором, юридически закрепившим государственную границу / A long-standing territorial dispute over the lands of the Kola Peninsula was finally resolved in 1826 by a bilateral treaty that legally established this state border

Окончание таблицы / End of table

1	2	3	4	5	6
Российско-северокорейский / Russian-North Korean	17,3	–	17,3	–	Закреплен договором с Цинским Китаем 1860 г. Учитывая вассальный статус Кореи по отношению к Китаю, территориальные вопросы урегулировались непосредственно между империями, что и сформировало нынешнее разграничение / This border segment was formalized by the 1860 treaty with Qing China. Given Korea's vassal status with respect to China, territorial matters were settled directly between the empires, which shaped the current demarcation

Источник: [10; 15–19] ; Шарухо И.Н. Формирование территории Беларуси как процесс взаимодействия с соседями. *Псковский регионологический журнал*. 2006;(3):158–170 ; Межевич Н.М. Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России. *Там же*. 2007;(4):134–145 ; Архипова Е.В. Границы между Азербайджаном, Грузией и Россией: советское наследие. *Центральная Азия и Кавказ*. 2005;6(42):36–46 ; Рожков-Юрьевский Ю.Д. К вопросу установления государственных границ и разграничения морских пространств Российской Федерации на участке Калининградской области. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013;(3):162–167 ; Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб.: АО «Концерн “Научно-производственное объединение Аврора”»; 2016. 240 с. ; Плаканс А. Краткая история стран Балтии. М.: Весь мир; 2016. 480 с. ; Киреев А.А., Денисенко В.А., Сазыкин А.М. Приграничное сотрудничество с КНДР. В кн.: Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта; 2021. С. 99–121.

Source: [10; 15–19] ; Sharuho I.N. [Formation of the Territory of Belarus as a Process of Interaction with Neighbours]. *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal*. 2006;(3):158–170 ; Mezhevich N.M. [The Russian-Estonian Border: the History of Formation and Modern Significance for the Development of the North-West of Russia]. *Ibid*. 2007;(4):134–145 ; Arkhipova E.V. [Borders between Azerbaijan, Georgia and Russia: the Soviet Legacy]. *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz*. 2005;(42):36–46 ; Rozhkov-Yuryevsky Ju.D. On the Establishing of State Border and Delimitation of Marine Areas of the Russian Federation in the Kaliningrad Region Zone. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*. 2013;(3):162–167 ; Rupasov A.I., Chistikov A.N. The Soviet-Finnish Border. 1918–1938. Essays in the History. St. Petersburg: Aurora Publishing House; 2016. 240 p. ; Plakans A. A Concise History of the Baltic States. Moscow: Ves' mir; 2016. 480 p. ; Kireev A.A., Sazykin A.M., Denisenko V.A. [Cross-Border Cooperation with the DPRK]. In: [Cross-border Cooperation along the State Border of Russia]. Kaliningrad: IKBFU Publishing House; 2021. Pp. 99–121.

Наименее протяженные участки – с Северной Кореей (17,3 км), Норвегией (197,7) и Польшей (204,1 км) – демонстрируют принципиально разный генезис: первые восходят к имперскому разграничению XIX в., тогда как польская – продукт послевоенного передела 1945 г., при котором Восточная Пруссия была разделена между СССР и Польшей. Таким образом, таблица наглядно иллюстрирует корреляцию между исторической глубиной границы, наличием природных барьеров и ее текущей степенью устойчивости: чем длительнее договорная основа и выше доля речных, озерных рубежей, тем выше потенциал долгосрочной стабильности.

Демографические и этнокультурные характеристики приграничных территорий. В численности населения приграничных территорий наблюдается диспропорция: от около 50 тыс. чел. в аймаке Булган в Монголии до более 31 млн чел. в провинции Хэйлунцзян в Китае (приложение²¹). В целом в приграничных субъектах России проживают 58,8 млн чел., соседних государств – 109,5 млн. Значительный

²¹ Приложение доступно в электронной версии: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.623>

разброс демонстрирует и этнический ландшафт приграничья: в некоторых регионах фиксируется почти полная этническая гомогенность (доля титульной нации достигает 99 % населения), тогда как в других присутствуют многонациональные анклавы.

Подобная мозаичность создает уникальную геополитическую и культурную динамику, превращая буферные зоны не столько в барьеры, сколько в коридоры для миграции и культурного обмена. Существенная асимметрия в площади сопредельных государств делает невозможным прямое сравнение их приграничных зон²².

В европейской части приграничья доминируют моноэтнические регионы с долей титульной нации выше 90 %. На Кавказе и в Сибири картина принципиально иная: титульные этносы нередко составляют менее 10 % (например, в Туве доля русских – 9 %). Напротив, приграничные регионы сопредельных государств почти однородны (в частности, северокорейский Хамген-Пукто, где корейцев около 99 %).

Переплетение исторических наслоений, природных детерминант и этнокультурного разнообразия не поддается линейному описанию; каждый отрезок государственной границы представляет собой самостоятельный историко-географический феномен (рис. 1).

Р и с. 1. Участки российской границы (в конфигурации 1991 г.) и доля титульных этносов на приграничных территориях

F i g. 1. Sections of the Russian border (in the 1991 configuration) and the share of titular ethnic groups in the border areas

Источник: здесь и далее составлено авторами по результатам исследования.

Source: hereinafter compiled by the authors based on the research results.

²² В связи с этим под «приграничьем» в каждом конкретном случае понимаются участки, соизмеримые по масштабам. Это могут быть территории целых стран, отдельные административно-территориальные образования (округа, губернии, области, провинции, воеводства и пр.).

Как видно из рисунка 1, наиболее выраженную этническую гомогенность (более 90 % титульного этноса) демонстрируют приграничные территории на западе и востоке России – от Финляндии до Китая, тогда как зоны с сильнейшей этнической фрагментацией (50–60 %) локализуются в двух основных ареалах: на Северном Кавказе (вдоль границы с Грузией и Азербайджаном) и на юге Западной Сибири (вдоль казахстанского рубежа). Это коррелирует с преимущественно геометрическим характером границ XX в., пересекающих единые этнокультурные пространства. При этом карта наглядно иллюстрирует диссонанс между природной детерминированностью границ (рек, горных хребтов) и их этнической напряженностью: исторические рубежи, унаследованные из XIX в., как правило, совпадают с зонами высокой титульной концентрации. Напротив, административные линии 1920–1930-х гг. и послевоенные корректировки 1944–1945 гг. неизбежно рассечены этническими ареалами с долей титульного населения ниже 50 %.

Типологизация сухопутных границ России по критерию устойчивости. Особую категорию в системе сухопутных рубежей страны образуют сегменты, которые с момента возникновения практически не меняли конфигурацию, обладают привязкой к крупным водным артериям, высокой исторической устойчивостью, выраженной этноразграничительной функцией и в сумме дают наименьший километраж в общей структуре государственной границы. Речь идет о российско-китайском, российско-норвежском и российско-северокорейском направлениях, признанных наиболее устойчивыми.

Наиболее раннее оформление получил норвежский участок (1826 г.), тогда как фрагменты китайской границы уходят корнями в 1689 г. Все они пролегают по естественным водным преградам, а именно по рекам Амур и Аргунь, Туманной и Патсойоки. Этническая картина вдоль этого рубежа отличается резкой полярностью: на сопредельных с Китаем и Корейской Народно-Демократической Республикой территориях доля титульных наций превышает 90 %, на норвежском сегменте колеблется в пределах 80–90 %²³.

Столь же контрастен демографический дисбаланс: на азиатском направлении китайско-корейское приграничье насчитывает почти 60 млн чел. против 4 млн на российской стороне; на северном фланге соотношение обратное: более 650 тыс. жителей в Мурманской области и 75 – в норвежском Финнмарке²⁴. При этом все участки интегрированы в единый пространственный контур, где история, природа и этничность накладываются друг на друга, формируя многослойную и устойчивую картину.

Для среднеустойчивых границ характерна значительная хронологическая глубина существования при умеренной конфигурационной стабильности. По уровню внутренней сложности они уступают предыдущей категории, поскольку строятся на бинарных сочетаниях базовых факторов: исторического, природного и этнического.

²³ Pinilla D.G. Border Disputes between China and North Korea: The Yalu and Tumen Rivers, and Control of the Seas. *China Perspectives*. 2004;52:806. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.806> ; Рябов С.А. Российско-норвежская граница: история с топографией. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева; 2018. 122 с. <https://elibrary.ru/ytjmlr>

²⁴ National Bureau of Statistics of China : website. Available at: <https://www.stats.gov.cn/> (accessed 28.07.2025) ; Statistisk sentralbyrå : website. Available at: <https://www.ssb.no/> (accessed 28.07.2025).

Основная протяженность этого сегмента приходится на рубежи с Китаем (около 1,5 тыс. км) и Монголией (около 0,9 тыс. км), а также на отдельные участки границ с Финляндией и Литвой. Практически вся линия отличается исторической преемственностью, даже фрагменты, оформленные в XX в., воспроизводят ранее апробированные договорные модели.

Восточная часть российско-китайской границы урегулирована актами XIX-го – начала XX вв.: Пекинским договором 1860 г. по Амуру, Ханкайским протоколом 1861 г. и Хабаровским (Хуньчуньским) протоколом 1886 г. по Уссури, Сунгаче и о. Ханка, а также Цицикарским соглашением 1911 г. по р. Аргунь. Российско-монгольское разграничение, возникшее после провозглашения независимости Монголии в 1911 г., сохраняет первоначальную конфигурацию²⁵.

Значительная часть этих рубежей привязана к выраженным природным барьерам: р. Аргунь (по границе около 950 км) и о. Ханка (площадь водного зеркала колеблется от 3,9 до 5 тыс. км², из них около 3 тыс. км², или 74 %, принадлежат России) на китайском направлении; нижнему течению р. Неман (191 км вдоль границы Калининградской области и Литвы); горным системам Алтая с главной вершиной г. Белухой (4 506 м) и Саян с пиком Мунку-Сардык (3 491 м) на монгольском фланге²⁶.

Этнический состав приграничных территорий более сбалансирован по сравнению с предыдущей группой, хотя полная гомогенность отсутствует: в большинстве регионов доля титульных этносов превышает 80 %, однако на отдельных отрезках китайского и монгольского направлений этот показатель снижается [20].

К наименее устойчивым относятся рубежи с большим разбросом по времени формирования, слабой внутренней упорядоченностью и доминированием одного образующего признака, чаще природного или этнического. Эти линии распределены по всему периметру государственной границы. В подавляющем большинстве случаев они не имеют исторических предшественников, поскольку основная часть установлена или существенно изменена в XX в.

Отдельные участки обладают природной барьерностью: Кавказский хребет (около 1,2 тыс. км), Алтайские горы (около 0,6 тыс. км), а также малые речные фрагменты, включая Нарву и Урал. В ряде приграничных регионов, особенно на Северном Кавказе и в странах Балтии (Латвии, Эстонии), этническая структура отличается высокой пестротой, вследствие чего этнокультурные ареалы не совпадают с административными линиями. Граница с Финляндией и Польшей, некоторые отрезки на белорусском и украинском направлениях демонстрируют выраженную этническую асимметрию сопредельных сторон.

Неустойчивые границы представляют собой рубежи, находящиеся на начальной стадии формирования и отличающиеся подвижной конфигурацией, а также отсутствием атрибутов устойчивых границ. Они имеют наибольшую протяженность и образованы преимущественно новыми линиями, возникшими после

²⁵ Ткаченко Б.И. Формирование и изменение государственной границы между Россией и Китаем на реке Аргунь в договорных документах XVII, XX и начала XXI веков. *Общество и государство в Китае*. 2020;50/1(34):506–520. <https://elibrary.ru/uqaqmy>

²⁶ Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле; 2009. 624 с.

распада СССР в 1991 г. В большинстве случаев эти границы проводились исходя из текущих экономических и политических соображений, без учета долгосрочных и системных принципов территориальной организации.

К неустойчивым отнесены практически вся российско-казахстанская граница (около 6 тыс. км), а также значительные отрезки рубежей с Монголией, Беларусью, Украиной и Прибалтийскими государствами. Наличие крупных природных барьеров не характерно – в основном они пролегают через агроландшафты и нередко пересекают единые в этнокультурном отношении пространства, разделяя близкородственные или исторически сложившиеся общности (рис. 2).

Р и с. 2. Сегментирование российской государственной границы (конфигурация 1991 г.) в зависимости от ее устойчивости

F i g. 2. Segmentation of the Russian state border (1991 configuration) by sustainability type

Как видно из рисунка 2, устойчивость границ России имеет выраженную географическую дифференциацию: наиболее стабильные рубежи локализуются на северо-западе (с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой) и юго-западе (с Белоруссией), тогда как неустойчивые – преимущественно на южном (с Грузией, Азербайджаном) и восточном (с КНДР, Монголией, Китаем) направлениях, что отражает контраст между исторически унаследованными имперскими границами и административными линиями, проведенными в XX в. без учета природных и этнических детерминант. Карта наглядно иллюстрирует принцип «природной детерминированности» устойчивых границ: наиболее стабильные участки приурочены к водным барьерам (рекам, озерам) и горным хребтам, тогда как неустойчивые пролегают преимущественно по равнинным агроландшафтам, лишенным четких физико-географических разграничителей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Представленные результаты подтверждают гипотезу о неравномерности устойчивости сухопутных границ России и демонстрируют, что степень стабильности рубежа прямо коррелирует с совокупностью трех структурных детерминант: исторической зрелости, природной барьерности и этнокультурной контрастности. Наиболее устойчивыми оказались участки, где все три фактора совпадают: российско-китайская, российско-северокорейская и российско-норвежская границы, сформировавшиеся еще в XVII–XIX вв. и приуроченные к крупным водным артериям (р. Амур, Аргунь, Туманная, Патсойоки). Эти выводы базируются на классификации В. А. Колосова, Н. С. Мироненко и Р. Ф. Туровского, которые рассматривают границы с позиций исторической, природной и этнической составляющих²⁷.

Расхождения с мнением Л. Б. Вардомского обусловлены различием в методологическом подходе. Ученый акцентирует внимание на функциональном аспекте приграничного сотрудничества, выделяя «старые» и «новые» границы преимущественно по критерию интенсивности трансграничных связей²⁸, тогда как настоящее исследование фокусируется на структурной устойчивости рубежей независимо от текущего уровня экономической интеграции. Так, российско-казахстанская граница, которая Л. Б. Вардомским отнесена к перспективным направлениям трансграничного сотрудничества, в предлагаемой типологии признана наименее устойчивой из-за отсутствия природных барьеров, короткой истории (сформирована в 1920–1930-е гг.) и пересечения единых этнокультурных пространств.

Классические подходы к типологии границ, восходящие к Дж. Керзону и развитые отечественными исследователями, в условиях настоящего времени требуют дополнения с учетом динамичных социально-экономических и политических процессов. В современной лимнологии на первый план выходят функциональный подход с анализом роли границ как институтов, регулирующих потоки людей, товаров и информации, а также концепции изменчивости и проницаемости границ²⁹. Представленное исследование вносит вклад в это направление, предлагая структурную основу для последующего функционального анализа: выделенные категории устойчивости могут служить базой для оценки институциональной, экономической и демографической составляющих.

Вместе с тем исследование имеет ряд ограничений. Предложенная трехфакторная схема оценивает исключительно структурный аспект устойчивости, т. е. ту ее сторону, которая связана с происхождением и морфологией границы. Для всестороннего анализа функциональной устойчивости и прогнозирования ее динамики в будущем требуется учет дополнительных групп показателей: институциональ-

²⁷ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география... ; Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2006. 780 с.

²⁸ Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России. *Евразийская экономическая интеграция*. 2008;(1):90–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prigranichnoe-sotrudnichestvo-na-novyh-i-staryh-granitsah-rossii> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁹ Морачевская К.А. Институциональные барьеры трансграничного сотрудничества в российско-белорусском приграничье. В кн.: Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития: сб. материалов междунар. науч. конф. Смоленск: Универсум; 2016. С. 37–44. <https://elibrary.ru/xadcyh>; Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья. Смоленск: Универсум; 2005. 304 с. <https://elibrary.ru/vlvrof>; Колосов В.А., Тикунов В.С. Политико-географическое картографирование и геоинформатика: достижения и новые задачи. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2005;(1):17–23. <https://elibrary.ru/hshbsn>

ного блока (степени согласованности пограничного законодательства и режимов сопредельных сторон); экономического (масштаба социально-экономического разрыва между приграничными регионами и интенсивности двусторонних хозяйственных связей); а также демографического блока (динамики численности населения и преобладающих траекторий миграции в приграничье). Кроме того, работа не учитывает морские границы России и влияние геополитических кризисов на трансграничное взаимодействие в реальном времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- устойчивость государственных рубежей России неравномерна и демонстрирует высокую пространственную дифференциацию. Отдельные отрезки аккумулируют наибольшее количество структурных составляющих (исторический, природный и этнический факторы), что обеспечивает их высокую стабильность и неизменность на протяжении столетий. В то же время существуют участки, у которых структурная основа полностью отсутствует, что относит их к категории нестабильных;

- наиболее устойчивыми являются границы, сформировавшиеся до XX в. и приуроченные к выраженным природным барьерам (р. Амур, Аргунь, Неман; горным системам Алтая и Саян), при этом сохраняющие этническую гомогенность приграничных территорий, а именно российско-китайская, российско-североко-рейская и российско-норвежская границы;

- среднеустойчивыми признаны границы с парной комбинацией детерминант: российско-монгольская (исторический и природный факторы), российско-финская и российско-литовская (исторический и этнический факторы). Для них характерна значительная хронологическая глубина при умеренной конфигурационной стабильности;

- наименее устойчивыми выступают границы с доминированием одного фактора (чаще природного или этнического): кавказские рубежи (природный барьер Кавказского хребта), отдельные участки рубежей с Украиной и Беларусью (этническая асимметрия). Эти линии распределены по всему периметру государственной границы и в подавляющем большинстве не имеют исторических предшественников, поскольку сформированы или существенно изменены в XX в.;

- неустойчивыми признаны преимущественно геометрические границы, возникшие после распада СССР в 1991 г.: практически вся российско-казахстанская граница (7 512,8 км), а также значительные отрезки рубежей с Монголией, Беларусью, Украиной и Прибалтийскими государствами. Они пролегают через агроландшафты и нередко пересекают единые этнокультурные пространства.

По результатам исследования разработан ряд рекомендаций. Для наиболее устойчивых отрезков первостепенной задачей становится смена доминирующей парадигмы с контрольно-охранной на кооперационно-партнерскую, что подразумевает создание совместной инфраструктуры, становление трансграничных агломераций и либерализацию визовых режимов.

Для отрезков со средней и низкой степенью устойчивости на первый план выходят мониторинговые мероприятия, выравнивание институциональных и социально-экономических диспропорций через реализацию программ по повышению качества жизни и стимулированию малого бизнеса.

Для нестабильных участков, в особенности на казахстанском направлении, в краткосрочной перспективе актуальны инженерно-техническое обустройство и нейтрализация трансграничных рисков; в долгосрочной – необходимо целенаправленно формировать новые опорные центры устойчивости на основе совместных проектов хозяйственного освоения, культурного взаимодействия и унификации правовых норм. Это позволит постепенно превратить геометрическую линию раздела в функционально интегрированный пояс сотрудничества.

Практическая значимость результатов определяется их применимостью для органов государственного управления (Пограничной службы Федеральной службы безопасности РФ, Министерства иностранных дел РФ, Минэкономразвития), региональных администраций приграничных субъектов РФ, а также образовательных и научных учреждений в области геополитики, регионоведения и пограничной безопасности. Результаты могут быть использованы при разработке концепций трансграничного сотрудничества, программ приграничного развития и стратегий национальной безопасности.

Перспективные направления дальнейших изысканий включают разработку интегрального индекса функциональной устойчивости границ с учетом институциональных, экономических и демографических показателей; создание прогностических моделей трансформации пограничных режимов под влиянием геополитических и климатических изменений; сравнительное исследование устойчивости границ России с аналогичными рубежами других крупных государств (Китая, Индии, Бразилии). Особого внимания заслуживает изучение трансформации геометрических границ XX в. в исторические в условиях длительного существования независимых государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Октябрьская И.В. Категория «границы» в российской этнографии. *Вестник Томского государственного университета*. 2025;(515):122–127. <https://www.elibrary.ru/kmuggk>
2. Цветкова О.В. Формальные правила и технологии изменения субнациональных границ России. *Регионоведение*. 2016;(1):6–16. URL: <https://clck.ru/3VqPjK> (дата обращения: 27.08.2025).
3. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мир без границ» (Borderless World): три концептуальных подхода. *Дискурс-Пи*. 2024;21(2):8–23. <https://www.elibrary.ru/dyjlqv>
4. Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2017;(5):3–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantomnye-granitsy-kak-fenomen-v-politicheskoy-geografii> (дата обращения: 27.08.2025).
5. Kolosov V., Zotova M. “De-Facto Borders” as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States. *Historical Social Research*. 2021;46(3):178–207. <https://doi.org/10.12759/hsr.46.2021.3.178-207>
6. Kolosov V.A., Tikunov V.S., Eremchenko E.N. Areas of Socio-Geographical Study of the COVID-19 Pandemic in Russia and the World. *Geography, Environment, Sustainability*. 2021;14(4):109–116. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2021-091>
7. Тулохонов А.К., Болданов Т.А. Политическая география российского приграничья в условиях глобализации: теория, вызовы, решения. *Регион: экономика и социология*. 2021;(1):203–235. <https://elibrary.ru/nkhswn>
8. Позднякова Т.М. Государственная граница России: обзор формирования и современные особенности. *Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема*. 2024;(1):15–27. <https://doi.org/10.24412/2227-1384-2024-154-15-27>
9. Герасименко Т.И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России. *Гуманитарный вектор*. 2018;13(2):152–161. <http://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161>

10. Тавровский Ю.В. Русско-китайские договоры: веки и зигзаги истории Ч. 1. От XVII в. до Второй мировой войны. *Перспективы. Электронный журнал*. 2021;2/3(25/26):51–65. <http://doi.org/10.32726/2411-3417-2021-2-3-51-65>
11. Мамкина И.Н. Организация пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024;23(1):82–94. <https://elibrary.ru/jwgsnk>
12. Быков А.Ю., Кожирова С.Б. Формирование границ Казахстана: дискуссии и решения первого двадцатилетия советской власти. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2023;(2):165–180. <https://elibrary.ru/ohjesl>
13. Корженевский К.Б. Российско-казахстанское пограничье: от административных границ Казахстана в рамках РСФСР до современных государственных рубежей. *Научный диалог*. 2022;11(9):373–391. <https://elibrary.ru/dsqtgq>
14. Базаров В.Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. *Власть*. 2017;(9):158–163. URL: <https://clck.ru/3VqQ34> (дата обращения: 28.08.2025).
15. Гуменюк Л.Г. Функционально-временная изменчивость границы (на примере границ Калининградской области). *Региональные исследования*. 2022;(3):90–99. <https://elibrary.ru/wzgzap>
16. Флегентова А.А. Российско-норвежские отношения: вчера, сегодня, завтра. *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2015;(6):124–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-norvezhskie-otnosheniya-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 28.08.2026).
17. Igonin A.I., Tikunov V.S. The Russian-Ukrainian border – Emergence and Sustainability. *Population and Economics*. 2018;2(4):136–160. <https://elibrary.ru/ldwsmd>
18. Агантаева Б.Ж., Ахметова Р.Д., Абенова Г.А., Кариева Т.А. Российско-китайское приграничье и фронтальные миграции населения в XIX в. *Былые годы*. 2021;(16):1225–1232. <https://elibrary.ru/skyugd>
19. Соколов А.А., Руднева О.С. Социально-экономическое районирование российско-казахстанского трансграничного региона. *Регион: экономика и социология*. 2023;(3):282–306. <http://doi.org/10.15372/REG20230312>
20. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Изменение этнической неоднородности регионов России в 2010–2020 годах в свете концепции этноконтактных зон. *География и природные ресурсы*. 2024;45(4):5–15. <http://doi.org/10.15372/GIPR20240401>

REFERENCES

1. Oktyabrskaya I.V. The Category of “Borders” in Russian Ethnography. *Tomsk State University Journal*. 2025;(515):122–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/kmuggk>
2. Tsvetkova O.V. Formal Rules and Methods of Changing Russias Subnational Boundaries. *Russian Journal of Regional Studies*. 2016;(1):6–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3VqPjK> (accessed 27.08.2025).
3. Rusakova O.F., Rusakov V.M. “Borderless World”: Three Conceptual Approaches. *Discourse-P*. 2024;21(2):8–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/dyjlqv>
4. Kolosov V.A. Phantom Borders as a Phenomenon in Political Geography. *Lomonosov Geography Journal*. 2017;(5):3–11. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantomnye-granitsy-kak-fenomen-v-politicheskoy-geografii> (accessed 27.08.2025).
5. Kolosov V., Zotova M. “De-Facto Borders” as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States. *Historical Social Research*. 2021;46(3):178–207. <https://doi.org/10.12759/hsr.46.2021.3.178-207>
6. Kolosov V.A., Tikunov V.S., Eremchenko E.N. Areas of Socio-Geographical Study of the COVID-19 Pandemic in Russia and the World. *Geography, Environment, Sustainability*. 2021;14(4):109–116. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2021-091>
7. Tulokhonov A.K., Boldanov T.A. The Political Geography of the Russian Borderlands in a Globalized World: Theory, Challenges, Solutions. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2021;(1):203–235. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/nkhswn>
8. Pozdnyakova T.M. The State Border of Russia: Overview of Formation and Modern Features. *Sholom Aleichem Priamursky State University*. 2024;(1):15–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2227-1384-2024-154-15-27>

9. Gerasimenko T.I. Ethnocontact Zones in the Ethnic-Cultural Space of Russia. *Humanitarian Vector*. 2018;13(2):152–161. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161>
10. Tavrovskiy Ju.V. [Russian-Chinese Treaties: Mile Stones and Zigzags of History from the 17th Century to the Second World War]. *Perspectives and Prospects. E-JOURNAL*. 2021;25/26(2/3):51–65. (In Russ.) <http://doi.org/10.32726/2411-3417-2021-2-3-51-65>
11. Mamkina I.N. Establishing Border Commissariats on the Russian-Chinese Border in the 2nd half of the 19th – early 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2024;23(1):82–94. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/jwgsnk>
12. Bykov A.Yu., Kozhirova S.B. Formation of the Borders of Kazakhstan: Discussions and Solutions in the First Twenty Years of the Soviet Era. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*. 2023;(2):165–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ohjesl>
13. Korzhenevsky K.B. Russian- Kazakhstan Borderland: from Administrative Borders of Kazakhstan in RSFSR to Modern State Bounders. *Nauchnyi dialog*. 2022;11(9):373–391. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/dsqtgq>
14. Bazarov V.B. Russian Policy towards Mongolia at the Beginning of the 20th Century. *The Authority*. 2017;(9):158–163. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-v-otnoshenii-mongolii-v-nachale-hh-v> (accessed 28.08.2025).
15. Gumenyuk L.G. Functional-Time Variability of the Boundary (Case of Kaliningrad Oblast Borders). *Regionalnye issledovaniya*. 2022;(3):90–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/wgzgap>
16. Flegentova A.A. Russian-Norwegian Relations: Yesterday, Today, Tomorrow. *Topical Issues of Contemporary International Relations*. 2015;(6):124–129. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-norvezhskie-otnosheniya-vchera-segodnya-zavtra> (accessed 28.08.2026).
17. Igonin A.I., Tikunov V.S. The Russian-Ukrainian Border – Emergence and Sustainability. *Population and Economics*. 2018;2(4):136–160. <https://elibrary.ru/ldwsdw>
18. Atantayeva B.Zh., Akhmetova R.D., Abenova G.A., Kariyeva T.A. Russian-Chinese Borderlands and Frontier Migrations of the Population in the XIX Century. *Bylye gody*. 2021;(16):1225–1232. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/skydyd>
19. Sokolov A.A., Rudneva O.S. Socioeconomic Zoning of the Cross-Border Region between Kazakhstan and Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2023;(3):282–306. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.15372/REG20230312>
20. Terenina N.K., Krotok R.N. Changes in the Ethnic Heterogeneity of Russian Regions over the 2010–2020s in the Light of Ethnic Contact Zones. *Geografia i prirodnye resursy*. 2024;45(4):5–15. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.15372/GIPR20240401>

Об авторах:

Соколов Александр Андреевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук (460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>, Researcher ID: Q-8019-2016, Scopus ID: 57217695444, SPIN-код: 1223-3480, SokolovAA@rambler.ru

Руднева Оксана Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук (460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>, Researcher ID: Q-7434-2016, Scopus ID: 55949910700, SPIN-код: 9870-1328, Ksen1909@mail.ru

Вклад авторов:

А. А. Соколов – разработка концепции; разработка методологии; научное руководство; административное руководство исследовательским проектом; проведение исследования; валидация результатов; критический анализ черновика рукописи.

О. С. Руднева – курирование данных; формальный анализ; проведение исследования; предоставление ресурсов; визуализация; валидация результатов; написание черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 19.03.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.

About the authors:

Aleksandr A. Sokolov, Cand.Sci. (Geograph.), Senior Researcher, Department of Socio-Economic Geography, Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11 Pionerskaya St., Orenburg 460000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>, Researcher ID: Q-8019-2016, Scopus ID: 57217695444, SPIN-code: 1223-3480, SokolovAA@rambler.ru

Oxana S. Rudneva, Cand.Sci. (Geograph.), Senior Researcher, Department of Socio-Economic Geography, Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11 Pionerskaya St., Orenburg 460000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>, Researcher ID: Q-7434-2016, Scopus ID: 55949910700, SPIN-code: 9870-1328, Ksen1909@mail.ru

Contribution of the authors:

A. A. Sokolov – conceptualization; methodology; supervision; project administration; investigation; validation; critical review.

O. S. Rudneva – data curation; formal analysis; investigation; resources; visualization; validation; writing – original draft preparation.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 19.03.2025; revised 05.12.2025; accepted 22.12.2025.